

Слёзы Турана-28: Огонь КЛИНКОВ

Category: Kitapcy, Taryhy proza

написано kitapcy | 24 января, 2025

Слёзы Турана-28: Огонь клинков ОГОНЬ КЛИНКОВ

– Вперед, пальваны! Перед вами жалкие псы, которых надо истреблять. У них много баранов и денег. Все это станет сегодня нашим! – кричали онбаши.

Сонные, уставшие всадники неохотно вынимали мечи. Анвар запутался в ремнях, за что получил плетью по спине.

– Вперед, львы!.. Смелей, богатуры!.. Вас ждет добыча, красивые девушки и жены псов! – кричали онбаши, размахивая тяжелым мечом.

Длинные цепочки всадников, одна за другой, двинулись в горловину ущелья.

– Ал-ла-а! – кричали первые воины, поддаваясь азарту предстоящего боя. Кони храпели, переходя в галоп.

Внезапно впереди зажглись «огни клинков». Грозное предупреждение противнику. Огузы размахивая саблями, готовились встретить врагов. Поднятая пыль делала ущелье темнее и теснее. Кони храпели, спотыкаясь о камни и порываясь вперед.

– Ал-ла-а-а! – орал онбаши, вытягивая шею. Черной тучей в ущелье спускались отряды войска Санджара во главе с порывистым Каймазом.

– Хей, джигиты, докажем свою верность султану! – кричал Каймаз.

Анвар, подчиняясь общему боевому порыву, все сильнее и крепче бил пятками по мокрым бокам лошади и, выкатив глаза, кричал, размахивая клинком. Достигнув широкого распадка ущелья, конники Санджара лавиной понеслись к лагерю огузов.

У большого замшелого валуна лошадь Анвара вдруг споткнулась и ударилась грудью о круп вороного жеребца. Не удержавшись в седле, кравчий перелетел через голову коня и упал, больно

ударившись головой о камень. Слегка оправившись от падения, он понял, что лошадь его попала в яму, на дне которой торчали острые колья. Передняя нога лошади оказалась сломанной. Умный конь тяжело поводит впавшими боками, призывая на помощь жалобным ржанием. И в это время над головой, воина пронеслась туча длинных огузских стрел. Ущелье огласилось ржанием коней, криками и стонами раненых воинов, многие из которых не успели освободиться от стремян и седел.

К месту боя и с гор плотными рядами непрерывно спускались новые тюмены султана.

И опять кравчий услышал свист. Приподняв голову, он увидел пролетающие стрелы. И снова десятки раненых лошадей дико заржали, извиваясь на земле. Трупы, которых становилось все больше, загораживали дорогу наступающим. А огузы насылали новые, еще более опасные тучи тяжелых стрел.

Анвар, отодвинувшись от края ямы, в которую провалился конь, внимательно осмотрелся и старательно втиснулся между двумя огромными камнями, прося у аллаха только одного – спасения. Поблизости он заметил старенькую вороную лошаденку, одиноко стоявшую у скалы. В левом стремени Анвар вдруг увидел знакомый зеленый сапог с опушкой. Это был сапог соседа в строю конников. Его запомнил Анвар с той минуты, когда тот ломал арбу у костра.

– О будь проклят день и час рождения того злодея, который придумал эту резню! – взмолился Анвар. – Что дала эта сеча несчастному, имевшему в жизни единственную радость – зеленые сапоги с опушкой и стертymi подметками...

К месту боя и с гор плотными рядами непрерывно спускались новые тюмены султана.

И опять кравчий услышал свист. Приподняв голову, он увидел пролетающие стрелы. И снова десятки раненых лошадей дико заржали, извиваясь на земле. Трупы, которых становилось все больше, загораживали дорогу наступающим. А огузы насылали новые, еще более опасные тучи тяжелых стрел.

Анвар, отодвинувшись от края ямы, в которую провалился конь,

внимательно осмотрелся и старательно втиснулся между двумя огромными камнями, прося у аллаха только одного – спасения. Поблизости он заметил старенькую вороную лошаденку, одиноко стоявшую у скалы. В левом стремени Анвар вдруг увидел знакомый зеленый сапог с опушкой. Это был сапог соседа в строю конников. Его запомнил Анвар с той минуты, когда тот ломал арбу у костра.

– О будь проклят день и час рождения того злодея, который придумал эту резню! – взмолился Анвар. – Что дала эта сеча несчастному, имевшему в жизни единственную радость – зеленые сапоги с опушкой и стертymi подметками...

Кравчий осторожно выглянул из-за камней и перебежал к скале. Высвободив из стремени ногу, он укрыл старого воина за выступом скалы. Здесь, в прохладном месте, он вытащил из маленькой сухой тыквы, висевшей на ремне, деревянную затычку и напоил раненого. В груди у воина неглубоко торчала стрела с костяным наконечником. Кравчий хотел выдернуть ее, но бледная беспомощная рука предупредила его желание. Хрипло вздохнув, хромым воин попросил:

– Если судьба смилуетя над тобой и ты увидишь стены Мерва, запомни: у восточных ворот, в квартале сундучников, спроси калитку мастера. Не забудь... И если всевышний вознесет мою душу к отцам, отдай мастеру коня и вот это... – воин вынул из кармана сверток, обмотанный толстой бечевкой. – Тут деньги. Скажи, что люди из далекого Амуля собрали хранителю царских книг выкуп за его дочь – Аджап. Я сам хотел найти Ягмура, но крылья Азраила закрывают мои глаза. А ты, видно добрый человек... – Дрожащие руки раненого оперлись о камень, несчастный привстал и закашлялся. – Послушай, в сумке у седла есть сосуд с целительным бальзамом. В далеком Хорезме он приготовлен по рецепту великого абу Муслима. Достань его, если можешь еще раз рискнуть жизнью во имя единовѣрного.

Анвар принес лекарство, влил в рот воину и смазал ему рану от стрелы.

– Слава аллаху! А остальное возьми себе, – облегченно сказал незнакомец. – Кто знает, чем закончится твой день!

* * *

..Султан Санджар стоял на высокой сопке и внимательно наблюдал за битвой. Справа – челядь и военачальники. Отсюда за клубами пыли трудно было разобрать первое смятение в рядах воинов. Но когда султану доложили о задержке войск, он, не задумываясь, приказал:

– По трупам первых пусть идут другие!

Растекаясь по ущелью, отряды все сильнее теснили огузов. Стало сказываться численное превосходство войск султана. Огузам приходилось все труднее.

Санджар был доволен ходом битвы. Он подбрасывал свежие силы, не жалел людей. Отрядам конницы уже удалось смять левое крыло огузов и добраться до первых шатров, когда совсем неожиданно, с двух сторон к стану султана Санджара, из-за скалистых выступов выскочили лихие джигиты кочевников. Пять сотен конников войска султана бросились им навстречу, но их смяли, порубили, растоптали... Огузы действовали расчетливо: одна часть заградительных отрядов кинулась в гущу сечи, а другая – ударила по султанским войскам с тылу. Особую задачу выполняла третья группа: она с остервенением прорубалась к шатру султана.

И тут впервые могучий султан испугался. – Коня! – крикнул он. Но растерявшаяся охрана плохо слушала и только кучка самых верных нукеров, выхватив сабли, спешила, защищая султана султанов до последнего вздоха.

Зорко следя за всеми событиями, Кумач вскочил на случайную лошадь и что было сил ударил ее камчой по широкому крупу.

Ягмур рубил направо и налево, стараясь не отставать от Джавалдура, который, обернув левую руку лоскутом верблюжьей шкуры, пробивался к Кумачу, окруженному избранными телохранителями. В изодранной кольчуге, с кровью на лице, Кумач отбивался отчаянно. Слабеющие кольцо телохранителей сжималось все теснее, стражники разили каждого, кто

приближался на взмах сабли или длину копья.

Джавалдур, с хитрой уловкой отъехав от Кумача, вдруг резко развернул жеребца и, разогнувшись, почти у самой цепи стражников спрыгнул с седла. Конь пробил брешь в рядах телохранителей и, падая, придавил трех воинов. Воспользовавшись этим, Джавалдур вскочил на убитого коня и двумя длинными тяжелыми взмахами ударил по плечу Кумача. Крепкая броня выдержала удары... Джавалдур взмахнул еще раз, но у него самого приподнялась кольчуга, оголяя пах. Один из телохранителей Кумача мгновенно заметил это и пустил стрелу. Алая струйка побежала по широкому поясу. Сцепив зубы, Джавалдур рванул из раны стрелу, но пошатнулся, сник... Со всех сторон на богатура надели охранники.

Ягмур рванулся на помощь, дико крикнул и бросил аркан в середину круга. Он сумел зацепить Кумача и потянул на себя... Подоспевшие на помощь Джавалдур угузы прикончили эмира.

Вытерев широким рукавом мокрый лоб, Ягмур оглядел поле битвы. Огузы широко охватывали противника, тесня его к выходу из ущелья.

Войска Санджара бежали, устилая поле трупами. Огузы, воспользовавшись замешательством врага, заходили ему в тыл, убивали сотнями и почти не брали в плен.

Битва разливалась по долине, во многих местах переходила в мелкие стычки и поединки. Огузы добрались до обозов врага, рубили веревки, разбрасывали кошмы, забирая драгоценности и оружие. Противник, нахлестывая бешеных коней и давя друг друга, в панике бежал.

Исход сражения был решен. Победа осталась за огузами.

Всех захваченных эмиров и беков собрали у большого камня. Их охраняли широколобые, рыжие хорезмийцы, перешедшие во время боя на сторону огузов; свободолюбивые кочевники оказались им ближе султана.

Размахивая мечами, к белому камню собрались возбужденные боем воины. На коне подъехал Ягмур. Поднявшись, он увидел, как высокий худощавый воин гнал кравчего со связанными руками и старого сундучника из Амуля, полуживого, хватающегося за грудь.

Удивленный Ягмур слез с коня и подошел к пленным. Он узнал хозяина, подарившего ему в Мерве халат и теплую одежду. Больше того, этот старец подарил ему жизнь, предупредив друзей о стрелах, отравленных ядом.

– Уйди с дороги! – крикнул огуз, направляя на Яг-мура коня. – Я захватил их в бою и продам в Балхе по хорошей цене.

– Стоит ли мучиться, мой господин? – Ягмур потянул за повод и осадил коня. – Если тебя не устроит эта цена, – он показал саблю эмира Кумача, украшенную алмазами, – то можешь еще взять в придачу золото! – и Ягмур вытащил из кармана горсть золотых монет.

– О, небо! И ты, Ягмур, послушай! – упав на колени, взмолился человек. – Если ты даешь одну горсть монет, то может быть пожертвуешь и вторую?

– Я сделаю это. Все отдам за человека, который приютил меня в тот день, когда я с прекрасной Аджап переплыл Джейхун и торопился сообщить султану Санджару о заговоре в Самарканде; спешил отдать свое сердце и жизнь во имя самого справедливого человека на свете... О, как ты ошибся, мастер Айтак!

– Правда ли, джигит, что Аджап продана султаном в рабство? – спросил толкователь снов.

– Да, это так, – ответил Ягмур. – Горбун спрятал ее в темнице исмаилитов.

– Ягмур, но ведь люди Амуля собрали выкуп за Аджап.

– О, это большая радость. Добрые люди не забыли про милую девушку, но пусть они знают, что пока жив Ягмур-огуз, выкуп за нее – на острие меча! – и Ягмур высыпал в руки сухопарого воина вторую горсть монет.

– Люди! – кричали пленные у большого камня. – Опомнитесь! Гоните врага, хватайте его богатство. Спасите нас и вы получите огромный выкуп.

Но вопли и просьбы пленных эмиров, ханов и знатных мулл перебил голос старика-лодочника, подъехавшего на откормленной ханской лошади.

– Да будет проклято золото! – кричал старик.

– Пусть покарает их меч справедливости! – раздавались голоса из толпы. Плотным кольцом окружали огузы эмиров.

– Крови! – требовали озлобленные воины.

– Мы хотим расплатиться за обиды и за смерть наших братьев, – кричал освобожденный Анвар, наступая на своего юзбаши.

А старик-лодочник, забравшись на крутолобый камень, говорил:

– Вчера никто не знал, что будет с ним; но орел побеждает змею. Ягмур! – вдруг позвал старик. – С того дня, как мы дали тебе место под крышей, ты всегда был честным и справедливым. Сегодня в бою я видел, как ты храбро рубился. Люди нашего рода просят тебя решить их спор об этих подлецах, дрожащих, как овечьи хвосты.

И Ягмур вдруг вспомнил залитое кровью лицо Джавал-дура, его израненную руку, вынимающую из тела стрелу, вспомнил он про издевательства беков над трудовым людом.

– Много зла от них, – опустив голову, тихо сказал Ягмур.

– Смерть! – взревели воины.

Сундучник из Амуля, держась за раненый бок, подошел к бородатому, полнотелому пленнику и ловким ударом вспорол грудь, прикрытую дорогой парчой.

Пока воины расправлялись с врагами, Онгон с услужливыми беками, врезаясь в кучу телохранителей, старался пробиться к шатру султана Санджара.

– Эй, не будьте трусами! – кричал Онгон своим, видя, как Чепни прорубается к шатру с другой стороны.

Онгону удалось первым прорваться сквозь крепкий заслон телохранителей. За ним, пришпоривая коней так, что на лошадиных боках выступала кровь, мчались остальные всадники. Спешиваясь, они бросались в шатер. И тут перед ними открывалась небывалая картина: спрятавшись за туго скрученными коврами, в углу сидел дородный, важный человек в дорогих одеждах.

Во главе с Онгоном беки упали на колени, загородив вход в шатер.

– Мы просим вашей милости, великий султан! О надежда и опора всевышнего, гордость Хорасана! Мы, самые знатные люди огузского народа, просим вас быть нашим султаном. Клянемся в верности и любви к вашей высочайшей власти...

– Скорее! – выкрикнул кто-то за шатром. – Они перережут всех.

Чепни с джигитами идет сюда! Их кони у подножья холма. Taryňy
proza